

8. Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»: По неизданным документам и материалам / М. Лемке.– СПб., 1908.
9. Лемке М. Процессы М. Михайлова, Д. Писарева, Н. Чернышевского / М. Лемке. – СПб., 1907.
10. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. / М. К. Лемке. – СПб., 1904.
11. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1864–1867. – М., 1987.
12. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1868–1870. – М., 1990.
13. [Мальшинский А. П.] Обзор социально-революционного движения в России / А. П. Мальшинский.– СПб., 1880.
14. Мещерский В. П. Мои воспоминания: в 3-х ч. / В. П. Мещерский. – СПб., 1897. – Ч. 1. (1850–1865 гг.).
15. Пирумова Н. М. «Русский социализм» А. И. Герцена / Н. М. Пирумова // Революционеры и либералы в России. – М., 1990. – С. 114–140.
16. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. – Женева, 1895.
17. Политические процессы 60-х гг./ под ред. Б. П. Козьмина. – М.; Пг., 1923.
18. [Татищев С. С.] Революционное движение в России. Записка, составленная по Департаменту Полиции / С. С. Татищев. – Б. м., б. г.

Надійшла до редколегії 11.02.2014

УДК94(47+57)(092)

С. И. ПОЛЯКОВ

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ В. И. УЛЬЯНОВА

Освещены наиболее распространенные версии, систематизирован круг вопросов, составляющих предмет, композиционное построение полемики об уровне профессионального мастерства В. И. Ульянова в Самарском окружном суде.

Ключевые слова: В. И. Ульянов (Ленин), лениниана, антилениниана, институт адвокатуры в дореволюционной России, присяжный поверенный, Самарский окружной суд.

Поляков С. І. Полеміка навколо адвокатської практики В. І. Ульянова.

Висвітлено найбільш поширені версії, систематизовано коло питань, які складають предмет, композиційну будову полеміки щодо рівня професійної майстерності В. І. Ульянова в Самарському окружному суді.

Ключові слова: В. І. Ульянов (Ленін), лєнініана, антилєнініана, інститут адвокатури в дореволюційній Росії, присяжний повірений, Самарський окружний суд.

В. И. Ульянов (в статье преимущественно употребляется настоящее имя, так как известный псевдоним Ленин вошел в широкое употребление значительно позже рассматриваемого периода) входит в число тех величайших личностей мировой истории, чья жизнь и деятельность была,

есть и будет предметом острых научных дискуссий и политических баталий. Интерес политической практики к историческому знанию естественен и полезен, так как делает историческое знание востребованным, побуждает к новому поиску и саморазвитию. Однако имеет место и обратная сторона, когда историю пишут в угоду господствующему политическому интересу. Рано или поздно это должно быть выявлено и исправлено.

Выходят в свет новые книги о В. И. Ленине. В настоящее время насчитывается более 140 сюжетов ленинской биографии, которые имеют не только научное академическое, но и политико-идеологическое значение в противостоянии между ленинианой и антиленинианой [6, с. 278–287]. Всех современных авторов можно поделить на три группы: традиционалисты, центристы и радикалы. Первые считают, что ленинизм был и остается «святым» и «непогрешимым»; следовательно, необходимо относиться к нему так, как и раньше. Другие, признавая необходимость научного, объективного, уважительного отношения к этому историческому феномену, настаивают на критическом, свободном от иллюзий и прежних стереотипов отношении к ленинским идеям, на необходимости смелого их обсуждения и оценки. Третьи разными способами пытаются доказать чуть ли не тотальную устарелость ленинизма, его ненужность, историческую вину.

В данной статье автор анализирует различные точки зрения относительно адвокатской практики В. И. Ульянова, освещает наиболее распространенные версии традиционалистского, центристского и радикального направлений в историографии, показывает уровень профессионального мастерства и результаты работы В. И. Ульянова в Самарском окружном суде в контексте правового статуса присяжных поверенных в дореволюционной России, определяет круг вопросов профессиональной деятельности В. И. Ульянова в качестве помощника присяжного поверенного, которые в своей совокупности составляют предмет полемики.

Хотя история не знает сослагательного наклонения, тем не менее открытым был и остается вопрос: стал бы В. И. Ульянов профессиональным революционером, если бы существовали более благоприятные условия для его деятельности в области юриспруденции, чем те, которые сложились по объективным причинам. Ведь в истории российской социал-демократии (да и не только ее) можно найти сотни имен, подтверждающих обычное для того времени правило: в революционную политику шли по убеждению. Тот или иной партийный работник, ушедший с головой в революционную деятельность, на каком-то этапе своей жизни мог свободно принять решение отойти от этой деятельности или совмещать партийную работу с профессиональной карьерой. И если такое происходило, то осуждались люди, которые изменили своим убеждениям, а не те, которые их сменили.

В советской историографии «раннего Ленина», начиная с 20-х годов XX в., сложилось мнение о том, что Ленин, занимаясь адвокатской практикой, не только не служил правящему режиму, но и боролся против

него в стенах суда, использовал адвокатский столик для пропаганды революционных идей, защиты интересов обездоленных трудящихся. «В январе 1892 года, – указывается в кратком биографическом очерке (1955), – Ленин был зачислен в списки помощников присяжных поверенных и с марта начал выступать в качестве защитника в Самарском окружном суде. Его подзащитными были главным образом крестьяне-бедняки и мастеровые» [9, с. 13]. Или: «В 1891 году он блестяще сдал экзамены на юридический факультет Петербургского университета и получил диплом первой степени. С 1892 года Владимир Ильич стал выступать в качестве защитника подсудимых в Самарском окружном суде. Но эта работа служила лишь прикрытием революционной деятельности, которая захватывала его все больше и больше» [1, с. 15]. Последнее советское издание 1985 г. мало чем отличается в этом вопросе от издания 1955 года: «После получения университетского диплома, с конца января 1892 г. Ленин был зачислен помощником присяжного поверенного и с марта начал выступать в Самарском окружном суде. В течение 1892–1893 годов он выступал около 20 раз. Большинство его подзащитных были крестьяне-бедняки и ремесленники» [3, с. 18].

Обращает на себя внимание как скупость и сжатость оценки профессиональной юридической деятельности В. И. Ульянова, так и ее безапелляционная политическая направленность. Поскольку главной задачей авторов было освещение истоков революционной и партийной деятельности В. И. Ульянова, постольку возникло убеждение, что юридическую профессию он использовал только в качестве прикрытия своей революционной деятельности. Не только в так называемых «официальных партийных изданиях», но и научных исследованиях, специально посвященных теме адвокатской практики В. И. Ульянова, эта точка зрения получила свое закрепление и развитие [16–18].

Правда, и в постсоветский период некоторые авторы, заявляющие о своем принципиальном неприятии «ленинизации» исторических исследований, также поддерживают вышеназванную точку зрения. К примеру, В. А. Поцелуев пишет: «За полтора года он (Ульянов. – *Авт.*) самостоятельно освоил университетский курс, рассчитанный на четыре года обучения. Защитив диссертацию в области права при Петербургском университете, стал работать помощником присяжного поверенного в Самаре, куда в 1889 г. переехала семья Ульяновых. Однако несомненные способности незаурядного выпускника не были развиты на ниве юриспруденции. В конце 1893 г. Ульянов прибыл в Петербург, где занял место помощника присяжного поверенного. Это являлось лишь легальным прикрытием его революционной деятельности по изучению и пропаганде марксизма в кружках единомышленников и воскресных школах для рабочих» [13, с. 71].

Насколько мотивирована версия о «легальном прикрытии» В. И. Ульяновым своей революционной деятельности, а также использовании им юридической профессии для защиты трудящихся масс и пропаганде идей

марксизма? По нашему мнению, многие достоверные исторические факты вынуждают ставить вопросы, на которые данная версия не дает аргументированных ответов. Так, возникает вопрос о цене этого прикрытия. Не слишком ли дорого было заплачено за то, чтобы получить диплом о юридическом образовании и не использовать его по прямому назначению? Известно, что после исключения в 1887 г. из Казанского университета М. А. Ульянова, да и сам Владимир Ильич, многократно обращались с просьбами дать разрешение на возобновление обучения. Ходатайства направлялись в различные инстанции, вплоть до министра просвещения, министра внутренних дел и директора департамента полиции [8, с. 549–562]. Только лишь в мае 1890 г. В. И. Ульянову было разрешено сдавать государственные экзамены экстерном в Испытательной комиссии при одном из университетов. Был избран Петербургский университет.

Не найти ответа на вопрос, почему полиция пропускала мимо внимания факты использования Ульяновым своей легальной профессии для нелегальной работы, если таковая имела место, и как ему удавалось уходить от наблюдения опытных полицейских филеров, если в списке «политически неблагонадежных» лиц он числился еще с 1887 г. Более того, даже при наличии диплома об образовании получение свидетельства на право быть поверенным во многом зависело от того же департамента полиции. Например, в июне 1892 г. председатель Самарского окружного суда запросил департамент полиции о возможности выдачи Ульянову свидетельства на право быть поверенным. На запросе имелась надпись: «Оставить Ульянова под негласным надзором и уведомить о неимении препятствий к выдаче свидетельства на право хождения по делам...» [2, с. 67]. Свидетельство выдавалось лишь на один год, и в январе 1893 г. Ульянов получил новое свидетельство – о праве ведения судебных дел в течение 1893 г.

Можно также поставить вопрос и о предполагаемой реакции юридической общественности, в частности общего собрания отделений Самарского окружного суда, при вынесении решения о выдаче В. И. Ульянову свидетельства на право ведения судебных дел, если бы он допускал нарушения профессиональной этики, подменяя адвокатскую защиту политической пропагандой. В январе 1892 г. он встретился с председателем Самарского окружного суда, действительным статским советником В. И. Анненковым – сыном известного декабриста. Современники отмечали, что Владимир Иванович отличался демократизмом, интеллектом, глубоко чтил своего отца и его дело. Но это еще не означало, что этими высокими чувствами и качествами он руководствовался в совещательной комнате, когда принимал то или иное судебное решение [18, с. 91–92]. В. И. Анненков не подписал бы ни одного судебного решения, если бы оно противоречило закону. Тем паче, что ни один процесс, в котором принимал участие В. И. Ульянов, не имел политического характера.

В полемике вокруг адвокатской деятельности Ульянова принимают участие и современные разоблачители советской ленинианы. Анализировать

их работы весьма непросто, ведь их большинство, явно рассчитанное на потребности обывателей, так густо усеяно подделками и подлогами, что требуется специальное рассмотрение той или иной части текста, вплоть до отдельных абзацев. Зачастую авторы даже не обращают внимания на то, что противоречат самим себе. Сейчас популярны следующие тезисы: вчерашний студент-экстерн, кем и являлся В. И. Ульянов, не мог претендовать на успехи в профессиональной практической деятельности; не хотел работать, занимался революционной работой, потому что была возможность жить за счет сбережений матери – М. А. Ульяновой; у него никогда не было уважения к праву и закону; репрессивная практика советской правоохранительной системы – закономерное продолжение начатого Лениным и т. п.

Если следовать указанной логике, то почему бы не включить в круг юристов-неудачников П. Б. Струве, А. С. Изгоева и многих других, имеющих юридическое образование, общественных деятелей монархического или либерального направления, которые представляли интересы своих избирателей и партий в Государственной думе или Государственном совете Российской империи? Но рука не поднимется это сделать, потому что для «антининцев» они являются непревзойденными кумирами.

Как правило, авторы указанных сентенций, в том числе профессиональные юристы, предпочитают не делать ссылки на документы, которые бы подтверждали достоверность суждений. Так, Е. П. Данилов (первый вице-президент Международного союза адвокатов, председатель Московской коллегии адвокатов «Евгений Данилов и партнеры», автор более 20 книг, 300 статей на исторические и юридические темы), осуждая Ленина, который, по его мнению, часто обходил букву закона, приводит в подтверждение (без ссылки, естественно) строки якобы Ленина: «Торгующие за счет Дубасовых кадетские профессора доходили до того..., что переводили слово «диктатура» словами «усиленная охрана»!.. Диктатура означает – примите это раз и навсегда к сведению ... неограниченную, опирающуюся *на силу, а не на закон, власть* (выделено мной. – Е. Д.)... М-да, с точки зрения юриспруденции, постулаты более чем сомнительные» [5, с. 46–47].

Сравним с тем, что писал сам В. И. Ленин: «Торгующие наукой за счет Дубасовых кадетские профессора доходили до того (г. Кизеветтер, член ЦК кадетов и кандидат в Думу), что переводили слово диктатура словом усиленная охрана! «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает – примите это раз навсегда к сведению, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы и К^о – неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного

поняття диктатура, своїми воплями против насилія слева, в епоху разгула самого беззаконного, самого подлого насилія справа, господа кадети воочию показали, какова позиція «соглашателей» в обостренній революційній боротьбі» [7, с. 288, 289]. Следует также добавить, что цитированные слова В. И. Ленин писал в марте 1906 г., когда большевистская партия не была правящей, в принципе не могла ставить вопрос о новом, «социалистическом» праве или замене права так называемой «революционной целесообразностью». В данном случае В. И. Ленин критикует «исторических предшественников» современных фальсификаторов типа «Евгения Данилова и партнеров», которые уже тогда в угоду политическим интересам давали свою трактовку известных научных понятий. Выясним, в чем конкретно проявляется якобы имеющий место намек на правовой нигилизм Ленина?

Один из «героев горбачевской перестройки», первый мэр Москвы Г. Х. Попов без единой ссылки на исторические документы многозначительно рассуждает: «Очень интересный вопрос, что же дала Володе Ульянову гимназия?... Володя вышел из гимназии так и не увлеченный какой-то наукой. Пожалуй, главным дефектом его гимназического образования было то, что Ленин плохо знал русскую историю и не обращался к ней в поисках ответов на волновавшие его проблемы. Зато, если так говорить, текущую политику он выучил. Но не благодаря гимназии, а дома, так как в семье хранились комплекты журнала «Современник». И Чернышевского, великого деятеля только что прошедших событий, Ленин изучил глубоко. Точно так же – дома, в семье – изучал он великих писателей России – Толстого особенно. К цитатам из русской литературы Ленин часто обращается в своих произведениях при анализе проблем. В школьные годы Ленин получил жизненную установку. А вот сами знания ему предстояло приобретать потом. С этой точки зрения Ленин был именно тем «продуктом», который как раз и хотело получать из гимназии самодержавие. Если учесть, что и в университете Ленин по существу не учился, а сдавал предмет за предметом экстерном, лишь бы сдать, лишь бы поскорее сбросить с себя обузу – то неизбежен вывод, что Ленин в основном был самоучкой. А в жизни самоучки имеет значение только то, что он сам с увлечением изучал. У всякого самоучки всегда обнаруживаются вопиющие пустоты в областях, по тем или иным причинам оказавшимся вне поля его интересов... Вообще-то Ленин пытался начать работать: помощником адвоката – в соответствии со своим дипломом. Но то ли его кавалерийские набег на сдаваемые экстерном экзамены в университете не дали весомых знаний, то ли его характер не позволял понять и клиента, и судью, и противную сторону, то ли сами дела его не устраивали – но итог один: все свои первые дела Ульянов в судах проигрывал и от юридического будущего пришлось отказаться» [12, с. 38–40, 44].

Оставим пока в стороне сюжеты об успехах и неудачах В. И. Ульянова в гимназии, о взаимовлиянии домашнего и школьного воспитания и его увлечениях, которые всесторонне освещены в монографиях

В. Т. Логинова [10], А. А. Майсурына [11], других исследователей [6]. Для нас более важным является, почему В. И. Ульянов избрал именно юридическую профессию.

Как известно, Ленин не писал ни развернутых автобиографий, ни мемуаров, которые бы раскрывали мотивацию его действий, подробности личной жизни и общественной деятельности. Он изредка, как бы к слову, обращался к отдельным фактам своей биографии в контексте совершенно иных проблем. Поэтому исследователям приходится опираться в основном на воспоминания родных и близких, друзей и знакомых, соратников и противников В. И. Ульянова с учетом всех особенностей мемуарной литературы и личности автора воспоминаний.

Решение В. И. Ульянова поступать на юридический факультет вызвало недоумение и некоторое разочарование как у родных, так и просто знакомых. В большинстве разночинских семей естественные науки пользовались большей популярностью, чем гуманитарные, и тем более юридические. Считалось, что на юридический факультет главным образом идут карьеристы. Такая реакция объясняется тем, что проявленные Владимиром Ильичом в гимназии способности порождали соответствующие ожидания, предложения и надежду. Например, директор гимназии Ф. М. Керенский ввиду выдающихся, по его мнению, успехов Владимира Ильича по филологическим дисциплинам прочил его на историко-словесный факультет университета. Г. Н. Шебуев, читавший лекции по математической физике в Казанском университете, отмечал «определенно математический склад ума» гимназиста Ульянова, уверял, что ему надо поступать на математический факультет. А. И. Ульянова-Елизарова указывала, что Владимир Ильич, будучи в старших классах гимназии, особенно интересовался политико-экономическими и юридическими науками. Об этом же пишет в мемуарах и Д. И. Ульянов, отмечая, что брат тяготел к изучению современного общества, его экономических отношений и права. Своему двоюродному брату Н. И. Веретенникову Владимир Ильич говорил: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...» [6, с. 96, 97, 104–106].

По нашему мнению, вряд ли тогда, в 1887 г., В. И. Ульянов связывал свое увлечение юриспруденцией с будущей юридической карьерой, тем более с революционной политической деятельностью. Д. И. Ульянов запечатлел в мемуарах такой эпизод: «Надежда Константиновна вспоминает рассказ Владимира Ильича о своих гимназических годах: “Когда мы кончали гимназию, один из товарищей предложил мне пойти на прогулку, с тем чтобы поговорить о нашем будущем. Но когда этот товарищ стал говорить о выборе факультета и дальнейшей нашей работе, я понял, что речь идет только о карьере и совершенно не касается революционной деятельности. Я тогда махнул рукой на этого товарища”. Из этого факта определенно вытекает, что Владимир Ильич хотел говорить тогда с товарищем не о карьере, а по поводу революционной деятельности, что он тогда, *еще до*

університета, интересовался вопросом о выборе путей революционного движения» [4, с. 133, 134]. Безусловно, надо учесть, что отношение В. И. Ульянова к служебной карьере мемуарист излагает со слов Н. К. Крупской, относящимся к более позднему периоду. Но если бы Владимира Ильича действительно волновала будущая карьера, то стал бы он, вопреки всякому чувству самосохранения, принимать участие в студенческой сходке в декабре 1887 г., то есть через четыре месяца после поступления в университет? В пользу этой версии говорят следующие факты. Владимир Ильич точно знал, что после казни в мае 1887 г. А. И. Ульянова ему предпочтительнее обучаться в провинциальном университете. И хотя не было прямого, документально оформленного запрета поступать в столичный университет, но даже в Казанском университете прошение о приеме на юридический факультет было удовлетворено отнюдь не сразу, а после дополнительной характеристики, которую дал директор гимназии Ф. М. Керенский. И где уж тут чувство самосохранения и забота о будущей карьере, когда 5 (17) декабря 1887 г. студент 1-го семестра юридического факультета Владимир Ульянов пишет прошение на имя ректора Императорского Казанского университета: «Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета» [8, с. 551]. Иными словами, речь идет об отчислении из университета по собственному желанию. Нельзя не вспомнить рассказ Владимира Ильича о своей беседе с гимназическим товарищем.

Биографическая хроника В. И. Ленина достаточно полно отразила вопрос о том, как он получил диплом о юридическом образовании. Сдача экзаменов представляла немалые трудности. Университетская профессура опасалась не только того, что среди экстернов было достаточно много «неблагонадежных», но и слишком поверхностных знаний. Михаил Цвибак, изучавший этот вопрос, писал: «К ним и профессора относились с особым недоверием и предубеждением, спрашивая и пытая гораздо серьезнее, чем студентов, кроме того, экстерны не могли знать хорошо местных условий, и им для одинакового со студентами ответа надлежало проделать гораздо большую работу, чем студентам. Экстернам редко-редко удавалось получать при сдаче хорошие отметки» [10, с. 116, 117]. Весной–осенью 1891 г. прошли экзаменационные сессии: в марте – курсовая работа по уголовному праву, апреле – устные экзамены по истории русского права, государственному праву, политэкономии и статистике, энциклопедии права, истории философии права, истории римского права, в сентябре – письменный экзамен и устные экзамены по уголовному праву и судопроизводству, римскому праву, в октябре – по гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, полицейскому праву, финансовому праву, в ноябре – по церковному праву, международному праву. На всех экзаменах

Ульянову виставлялась высшая оценка – «весьма удовлетворительно». В ноябре 1891 г. Испытательная комиссия при Петербургском университете выдала Ульянову свидетельство на получение диплома первой степени, а в январе 1892 г. управление Петербургского учебного округа – диплом [2, с. 54–61, 63]. Таким образом, студент-экстерн Ульянов (что усиленно подчеркивают «антиленинцы», видимо, имея в виду современных экстернов) получил серьезную теоретическую подготовку в области права, необходимую для будущей профессиональной деятельности.

До настоящего времени сохранились только дела, которые вел Ульянов, самарского периода. Они сосредоточены в 4-м фонде (документы о деятельности В. И. Ленина) Российского государственного архива социально-политической истории.

Центральным звеном в полемике является выяснение вопроса о мастерстве, профессиональной грамотности защит, проведенных В. И. Ульяновым, и определение того, насколько позиция адвоката влияла на окончательное судебное решение. Не выдерживает критики версия о том, что В. И. Ульянов, защищая обездоленных тружеников – жертв узаконенного беззакония, якобы лишней раз убедился, что только социалистическая революция принесет народу истинную свободу, и потому все его защиты заканчивались победой. Его подзащитными, действительно, были представители низших классов (мещане, крестьяне, ремесленники, рабочие), но они привлекались к ответственности не за классовую принадлежность, а за совершение конкретных преступлений. Кража, например, всегда и везде квалифицировалась как преступное деяние.

Нельзя признать научно объективной, обоснованной и другую версию – дела, которыми занимался Ульянов, якобы были мелкими, незначительными и несерьезными, с точки зрения маститых современных адвокатов, все их он «проиграл» и прочее. Подобные рассуждения рассчитаны на нетребовательного обывателя. Так обычно думают люди, которые главное назначение адвоката видят в том, чтобы всякими способами оправдать преступника, даже если потребуется заключить «союз» с прокурором, следователем либо судьей. Не принимается во внимание, что дела рассматривались не в мировом, а в окружном суде и при участии присяжных заседателей, что само по себе снимает вопрос о «мелочности», «незначительности» или «несерьезности» дел.

По нашему мнению, объективно оценить итоги адвокатской деятельности В. И. Ульянова возможно лишь в контексте законодательных актов судебной реформы 1864 г., которые определили правовой статус института присяжных поверенных. Закон жестко регламентировал условия, которые предъявлялись к присяжным поверенным, они мало чем отличались от требований к судьям. С одной стороны, присяжные поверенные не считались государственными служащими, не имели права на служебные знаки отличия и на них не распространялось чиновничество, с другой – были независимы от суда в своих действиях по ведению уголовных и

гражданских дел, подчинялись только для них предусмотренному особому порядку. Основаниями для юридической ответственности были: злонамеренное превышение пределов полномочий; злонамеренное вступление в сношения или сделки с противниками своего доверителя во вред ему; злонамеренная передача или сообщение противнику своего доверителя документов; злонамеренное истребление или повреждение, присвоение, утаивание или растрата документов, имущества доверителей; оскорбление суда или участвующих в деле лиц в судебных речах или бумагах; несоблюдение адвокатской этики; нанесение материального ущерба доверителю; небрежное исполнение своих обязанностей, в частности пропуск процессуальных сроков, нарушение правил и форм судопроизводства. Совет присяжных был вправе выносить предостережения и выговоры, запрещать заниматься адвокатской практикой в течение одного года, исключать из числа присяжных поверенных, в особых случаях предавать уголовному суду. Если в отношении того или иного адвоката в двух случаях принималось решение о временном запрещении вести дела, то в третьем, заслуживающем такого же взыскания, принималось решение об исключении из числа присяжных поверенных. Причем исключенные лишались своего права практически навсегда и в пределах всего государства, а не только в территориальных рамках данного судебного места. Обо всех подобных решениях совет присяжных информировал прокурора судебного места, при котором он состоял.

Совет присяжных поверенных, будучи одной из форм корпоративной самоорганизации, совмещал обязанности административного и судебного характера. Его важнейшей функцией было решение вопросов, непосредственно связанных с организацией и проведением защиты: назначение поверенных по очереди для безвозмездного ходатайства по делам лиц, пользующихся в суде правом бедности; назначение по очереди поверенных для ходатайства по делам лиц, обратившихся с просьбой о назначении им таковых; определение суммы вознаграждения поверенному, если между поверенным и тяжущимся нет согласия и не заключен письменный договор. Соответственно присяжные поверенные производили гражданские дела на основании доверенностей, выданных им тяжущимися, или вследствие объявлений, поданных тяжущимися в суд, либо по назначению советом присяжных по просьбам тяжущихся и, наконец, по назначению председателя суда. В уголовных делах присяжные поверенные принимали защиту подсудимых по соглашению с ними или по назначению председателя судебного места. Назначенный для производства дела советом или председателем судебного места присяжный поверенный не мог отказаться от исполнения данного поручения, не предоставив достаточных для этого оснований. Сумма вознаграждения определялась письменным соглашением присяжного поверенного с доверителем. По делам лиц, пользующихся в суде правом бедности, взыскание за наем поверенного обращалось в пользу того поверенного, который был назначен советом

поверенних для ходатайства по делу со стороны бедного лица. Статус помощников присяжных поверенных специально не указывали. Выступать самостоятельно на процессе они могли лишь при наличии доверенности-поручения присяжного поверенного. На помощников распространялись права и обязанности присяжных поверенных, но на общих собраниях присяжных поверенных округа они имели только совещательный голос [14, с. 71–77, 82, 112–115].

Таким образом, в целом были созданы достаточные условия для качественной защиты законных интересов доверителя-клиента или подозреваемого. Адвокат был обязан глубоко и всесторонне выяснять мотивы, субъективную и объективную стороны состава правонарушения, обстоятельства, которые исключали преступность деяния или освобождали от ответственности, смягчали либо же отягощали наказание. Он не оправдывал провинившегося перед судом, а с помощью весомых аргументов оказывал существенное влияние на квалификацию судом правонарушения.

В. И. Ульянов начинал адвокатскую деятельность в качестве помощника и по объективным причинам не имел достаточного опыта, известности в среде профессиональной общественности. Ему было только 22 года, он строго соблюдал установленные требования, а находившиеся в стадии формирования социал-демократические убеждения не влияли на выполнение его профессиональных обязанностей. Адвокатский столик В. И. Ульянов использовал по прямому назначению, а не в качестве трибуны для политической пропаганды.

Что же касается выбора присяжным поверенным клиентуры, оплаты труда, то данный вопрос также строго регламентировался. На рапорте присяжного поверенного О. Г. Гиршфельда, сообщавшего председателю Самарского окружного суда о том, что обвиняемые выразили желание иметь своим защитником помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова, 15 (27) апреля 1892 г. появилась следующая надпись: «Означенные защиты подсудимых Тишкина, Зорина, Уждина, Зайцева, Красильникова, Гайского и Муленкова, принять на себя согласен. Пом. прис. В. Ульянов» [2, с. 64, 65]. 17 (27) ноября 1892 г. он сделал подобную надпись на заявлении Ф. Е. Лаптева. 19 (31) января 1893 г. получена доверенность А. К. Палалаева на ведение его судебного дела В. И. Ульяновым [2, с. 73].

Поскольку подсудимые имели право самостоятельно избирать себе защитника, постольку последний мог отказаться от клиента лишь при наличии существенных оснований, среди которых неплатежеспособность подзащитного не указывалась. Более того, совет присяжных при назначении адвоката был обязан учитывать данное обстоятельство. Очевидно, что Ульянов не мог выбирать только богатую клиентуру и не имел законных оснований для добровольного отказа от дела. В этой связи совершенно бездоказательным является утверждение Е. П. Данилова: «...Совершенно понятно, что богатая клиентура к молодому и неизвестному в обществе адвокату никогда не пойдет. Она не поскупится на хороший гонорар

именитому мэтру, а не будет экономить на вчерашнем студенте-экстерне, кем и являлся для них некто В. Ульянов (тогда еще не Ленин)» [5, с. 50]. Правда, у него имеется и другая сентенция: «По иску купца Константинова к еврейским предпринимателям Брискеру и Шимковичу о взыскании 12500 рублей Самарский окружной суд первоначально удовлетворил требования купца. Помощник присяжного поверенного Ульянов согласился выступить на стороне Брискера и Шимковича, заключил соглашение, составил им кассационную жалобу и при повторном рассмотрении выиграл дело в судебной палате по гражданскому департаменту. Разбитные дельцы, вне всякого сомнения, не оставили без внимания услугу даровитого адвоката. Честно говоря, результаты по проведенным делам выглядят довольно скромно (а можно ли ждать чего либо другого от начинающего?). Да и сами дела – абсолютно обыденные, ни одного громкого процесса» [Там же, с. 49].

В Самарском окружном суде В. И. Ульянов, по утверждению одних исследователей, участвовал в 14 уголовных и 2 гражданских, по данным других, – в 15 уголовных и 3 гражданских, третьих – 14 уголовных и 4 гражданских делах. В ходе уголовных процессов он добился: оправдания – для пяти подзащитных; смягчения наказания – для восьми; сокращения объема первоначальных обвинений – для пяти; переквалификации преступления – для четырех обвиняемых. Одно дело было прекращено по причине примирения сторон. В гражданском процессе дела были решены в пользу клиентов В. И. Ульянова [6, с. 108; 18, с. 30]. И хотя в его практике преобладали уголовные дела, присяжный поверенный А. Н. Хардин, помощником которого работал Ульянов, несколько позже, в начале 1900-х годов, выразил сожаление, что тот не пошел по пути цивилистики [18, с. 63]. Узнав, что Владимир Ильич решил переехать в Петербург, Хардин написал известному петербургскому адвокату М. Ф. Волкенштейну рекомендательное письмо. Помощником М. Ф. Волкенштейна Ульянов работал с сентября 1893 г. и до ареста в декабре 1895 г. В мае 1896 г. председатель совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты В. О. Люстих при поддержке М. Ф. Волкенштейна написал вице-директору департамента полиции С. Э. Зволянскому письмо с просьбой передать Ульянова на поруки. Но сославшись на позицию прокуратуры и жандармского управления, Зволянский ответил отказом [Там же, с. 69, 70].

Сам Ульянов, очевидно, не был удовлетворен результатами своей работы в Петербурге, хотя некоторое время мирился со сложившейся ситуацией. М. А. Сильвин, который познакомился с ним в сентябре–октябре 1893 г., в мемуарах писал: «В Петербурге он записался в сословие присяжных поверенных, но работал в нем мало, хотя некоторое время он, очевидно, интересовался юридической практикой и посещал консультации на окраинах города. В отчете совета присяжных поверенных за 1894/95 год упоминается и его имя в числе прочих, представивших отчет о своей деятельности. Но когда я как-то спросил Владимира Ильича, как идет его юридическая работа, он сообщил мне, что работы, в сущности, никакой нет,

что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов на ведение дел. Об адвокатской работе он скоро вовсе перестал думать» [15, с. 69].

Таким образом, для полемики вокруг адвокатской практики В. И. Ульянова характерно следующее: в ней принимает участие широкий круг ученых, политиков, общественных деятелей, работников культурно-просветительской сферы. Объектами дискуссий являются различные сюжеты биографии 1887–1895 гг., связанные с получением В. И. Ульяновым юридического образования и его практической работой в суде. Полемика расширяется и углубляется под влиянием двух важнейших факторов: научно-исследовательского, нацеленного на освещение так называемых «белых пятен» и разработку современной методологии исторического познания, и политического, отражающего стремление определенных политических сил к «скорректированному» и зависящему от конъюнктуры социального интереса показу теории и практики ленинизма в заданном направлении начиная с момента его возникновения. На современном этапе конфигурацию полемики определяют преимущественно представители центристского и радикального направлений в историографии. Композиционное построение проблемы состоит в том, почему В. И. Ульянов избрал юридическую профессию; в каких условиях и как получил образование; какие черты были присущи столичному и провинциальному юридическому сообществу и условиям его деятельности; какие дела вел Ульянов и что характеризовало лабораторию его адвокатского мастерства; какое он имел денежное вознаграждение, получал ли поддержку со стороны семьи; как опытные коллеги оценивали результаты работы молодого специалиста, начинающего свою профессиональную деятельность; использовал ли служебное положение помощника присяжного поверенного не по прямому назначению; как полицейские органы реагировали на совершенно лояльные занятия «политически неблагонадежного» лица. Непреодолимым препятствием для более-менее окончательных и достоверных ответов на указанные вопросы является безвозвратная утрата архивных материалов петербургского периода.

Библиографические ссылки

1. В. И. Ленин: краткий биографический очерк. – 5-е изд. – М., 1969.
2. Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника: в 12 т. – Т. 1. – М., 1970.
3. Владимир Ильич Ленин: биография. 1870–1924: в 2 т. / А. Г. Егоров [и др.]. – Т. 1 – М., 1985.
4. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. – Т. 1. Воспоминания родных. – М., 1989.
5. Данилов Е. П. Ленин: тайны жизни и смерти / Е. П. Данилов. – М., 2007.
6. Жизнь Владимира Ильича Ленина: Вопросы и ответы / отв. ред. В. М. Костягина. – 3-е изд., переработ. и дополн. – Ульяновск, 2012.
7. Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 12.
8. Ленин В. И. Прошения В. И. Ульянова (Ленина) 1887–1893 гг. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 1. – М., 1971.

9. Ленин Владимир Ильич: краткая биография. – 2-е изд. – М., 1955.
10. **Логинов В. Т.** Владимир Ленин: как стать вождем / В. Т. Логинов. – М., 2011.
11. **Майсурян А. А.** Другой Ленин / А. А. Майсурян. – М., 2006.
12. **Попов Г. Х.** Ошибки в проекте (ленинский тупик) / Г. Х. Попов. – М., 2008.
13. **Поцелуев В. А.** Ленин / В. А. Поцелуев. – М., 2003.
14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. – М., 1991.
15. **Сильвин М. А.** Ленин в период зарождения партии: Воспоминания / М. А. Сильвин. – Л., 1958.
16. **Стерник И. Б.** В. И. Ленин – юрист: Юридическая деятельность В. И. Ульянова (Ленина) / И. Б. Стерник. – Ташкент, 1969.
17. **Стерник И. Б.** Юридическая деятельность В. И. Ленина: Отдельные стороны и аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Б. Стерник. – Л., 1974.
18. **Шалагинов В. К.** Защита поручена Ульянову / В. К. Шалагинов. – Новосибирск, 1970.

Надійшла до редколегії 06.02.14

УДК 94(520+(470+571))“1889/1910”

С. С. Павленко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСНОВНІ ФУНКЦІЇ КОНСУЛЬСТВ ТА ОСОБЛИВОСТІ ДІЯЛЬНОСТІ ЯПОНСЬКОГО ІМПЕРСЬКОГО КОНСУЛЬСТВА В ОДЕСІ (1889–1910)

На матеріалах нормативно-правових актів встановлено основні функції консульських установ. Проаналізовано діяльність Японського імперського консульства в Одесі за матеріалами Japanese Center for Asian Historical Records.

Ключові слова: Японське імперське консульство в Одесі, функції дипломатичної місії, Російський консульський статут 1858 р., російсько-японський договір про торгівлю та мореплавання від 27.05.1895 р., Japanese Center for Asian Historical Records.

Павленко С. С. Основные функции консульств и особенности деятельности Японского императорского консульства в Одессе (1889–1910).

На материалах нормативно-правовых актов установлены основные функции консульских учреждений. Проанализирована деятельность Японского имперского консульства в Одессе по материалам Japanese Center for Asian Historical Records.

Ключевые слова: Японское имперское консульство в Одессе, функции дипломатической миссии, Российский консульский устав 1858 г., русско-японский договор о торговле и мореплавании от 27.05.1895 г., Japanese Center for Asian Historical Records.

У системі міжнародних відносин консульські установи є важливою складовою частиною зовнішньополітичних представництв держави. Головною метою їх діяльності є захист інтересів країни. Сучасні функції консульств мають довгу історію розвитку. Розгляд конкретно-історичних